

Дж. Майкльсон

«ПАМЯТНИК» ПУШКИНА В СВЕТЕ ЕГО МЕДИТАТИВНОЙ ЛИРИКИ 1836 ГОДА

Когда Пушкин умер, лишь несколько близких его друзей знали о существовании стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Александр Иванович Тургенев в дневниковой записи от 15 декабря 1836 года упоминает вечер у Пушкиных в доме № 12 на Мойке, когда поэт читал неотосланное письмо Чаадаеву о прошлом и настоящем России и оду в подражание Державину: «Нет, весь я не умру...».¹ Этот шедевр, издавна считавшийся поэтическим завещанием Пушкина, был опубликован в первоначальном авторском варианте лишь в 1881 году.² В последующие сто лет он неизменно привлекал внимание литературоведов и, очевидно, это наиболее часто цитируемое стихотворение Пушкина. Его строки высечены на знаменитых памятниках Пушкину в Москве, Санкт-Петербурге и Царском Селе (г. Пушкин). Хотя существует господствующее, даже, можно сказать, каноническое толкование этого стихотворения, в русских и зарубежных исследованиях наблюдается большое разнообразие точек зрения, а порой и ожесточенная полемика относительно значения отдельных строк и образов.

С 1937 года, как обобщает академик М. П. Алексеев, критика сосредоточивалась в основном на трех проблемах: 1) сравнение (или противопоставление) пушкинского «Памятника» и аналогичных од Державина и Горация, на которые Пушкин частично опирается; 2) изучение стиля и структуры стихотворения; 3) место «Памятника» в поздней лирике Пушкина, «особенно по отношению к поэтическим циклам 1835—1836 годов

¹ Тургенев А. И. Из дневника // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 172.

² См.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: проблемы его изучения. Л., 1967. С. 41.

и общему идейному содержанию его произведений».³ Настоящее исследование посвящено третьей проблеме: в нем будет дан анализ пушкинского «Памятника» в свете: 1) других стихотворений, написанных летом 1836 года; 2) некоторых прозаических текстов Пушкина, напечатанных в 1836 году в его журнале «Современник»; и 3) свидетельств близких друзей относительно важнейших интересов Пушкина в этот период.

За несколько лет до его смерти в читательских кругах сложилось мнение, отчасти поддерживаемое литературной элитой, о том, что поэтический талант Пушкина иссяк. Эту точку зрения опровергали знатоки стихов, имевшие доступ к последним черновикам автора. Евгений Баратынский, изучив рукописи поздних неопубликованных вещей Пушкина, писал жене: «Иные из них изумительно прекрасны, совершенно новы по духу и форме. Ты не представляешь, что отличает его последние стихи: сила и глубина! Обретаемая зрелость».⁴

Ряд стихотворений, о которых говорит Баратынский, Пушкин написал летом 1836 года, когда жил на даче к северу от Петербурга на Каменном острове. Четыре из этих «каменноостровских» стихотворений Пушкин, видимо, предназначал к печати в определенном порядке. В рукописи они пронумерованы римскими цифрами II, III, IV, VI. Поскольку порядок нумерации не соответствует дате написания стихотворений, а Пушкин, как правило, не нумеровал свои произведения, возможно, что эти вещи составляли или были задуманы как постскриптум, как части единого целого. Это предположение подкрепляется анализом их метрической структуры. Хотя объем варьируется от 10 до 22 строк, все стихотворения написаны ямбическими гекзаметрами в форме парных двустиший с чередованием рифм по схеме «женская—женская / мужская—мужская». И что более важно, эти стихотворения роднит обращение к определенным лексическим, фразеологическим и тематическим пластам, имеющим источником Евангелие, новозаветные апокрифы и распространенные православные молитвы.

Ленинградский пушкинист Н. В. Измайлов в 1958 году первый предположил, что эти четыре стихотворения — «Отцы-пустынники и жены непорочны...», «Подражание итальянскому», «Мирская власть», «Из Пиндемонта» — составляют ядро

³ Там же. С. 52—53.

⁴ Гофман М. Л. Баратынский о Пушкине // Пушкин и его современники. Вып. XVI. СПб., 1913. С. 152.

цикла из шести частей и что стихотворение «Когда за городом, задумчив, я брожу...», также написанные ямбическим гекзаметром, должно было числиться под пятым номером.⁵

Гипотеза Измайлова, что «Памятник» должен был значиться под номером один, также входя в цикл, вызвала споры. В большинстве последних исследований принимается измайловский тезис о том, что каменноостровские стихи образуют цикл, однако по поводу того, принадлежит ли «Памятник» к этому циклу, существуют разногласия. Так, Г. П. Макогоненко и С. А. Фомичев разделяют точку зрения Измайлова, Н. Л. Степанов отвергает ее, М. П. Алексеев относится к ней со скептической настороженностью, а С. М. Бонди и Т. О. Савченко совсем не высказываются по этой теме.⁶

⁵ См.: Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин: исследования и материалы. Т. 2. М.; Л., 1958. С. 29—40.

⁶ См. об этом: Макогоненко Г. П. Капитанская дочка и последний поэтический цикл // Творчество Пушкина в 1830-е годы; 1833—1836. Л., 1982. С. 424—461; Фомичев С. А. О лирике Пушкина // Русская литература. 1974. № 2. С. 43—53; Степанов Н. Л. Лирика Пушкина: очерки и этюды. 2-е изд. М., 1974. С. 31; Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина. С. 124; Бонди С. М. Памятник // О Пушкине: статьи и исследования. М., 1978. С. 442—476; Савченко Т. О композиции цикла 1836 года А. С. Пушкина // Волдинские чтения. Горький, 1979. С. 70—81. — На тему данной статьи см. также исследования: Davydov, S. Pushkin's Easter Triptych: «Hermit Fathers and Immaculate Women», «Imitation of the Italian» and «Secular Power» // Puschkin Today. Bloomington, 1993. P. 38—58; Фейнберг И. Л. Памятник // Читая тетради Пушкина. 2-е изд. М., 1981. С. 224—241; Пушкин в русской философской критике: конец XIX — первая половина XX века / Сост. Р. А. Гальцева. М., 1990; Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд. Л., 1974; Городецкий Б. П. А. С. Пушкин // История русской поэзии: В 2 т. Т. 1. Л., 1968. С. 376—434; Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология, обозначающая различные чувства и состояния // Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. С. 209—261; Ильинская И. С. Лексика стихотворной речи Пушкина: «высокие» и поэтические славянизмы. М., 1970; Кибальник С. А. 1) Художественная философия Пушкина. СПб., 1993; 2) О стихотворении Пушкина «Из Пиндемонта» (Пушкин и Горацій) // Временник Пушкинской комиссии: 1979. Л., 1982. С. 147—157; Лескис Г. А. Пушкинский путь в русской литературе. М., 1993; Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя. Л., 1981; Маймин Е. А. О философской лирике А. С. Пушкина // Пушкинский сборник: ученые записки. Вып. 483. Псков, 1972. С. 55—67; Непомнящий В. С. Поэзия и судьба: над страницами духовной биографии Пушкина. 2-е изд. М., 1987; Пумпянский Л. В. Об оде А. Пушкина «Памятник» // Вопросы литературы. 1977. № 8. С. 135—151; Сурат И. З. 1) О «Памятнике» // Новый мир. 1991. № 10. С. 193—196; 2) Пушкин как религиозная проблема // Новый мир. 1994. № 1. С. 207—222; Шустов А. «Нерукотворный» или «нерукотворенный»: По поводу одной зарубежной статьи // Вопросы литературы. 1973. № 6. С. 169—172; Тоддес Е. А. К вопросу о каменноостровском цик-

Под термином «цикл» в нашей работе подразумевается серия лирических стихотворений, объединенных в значительной мере общими просодическими и тематическими характеристиками.⁷ При этом, если мы признаем, что стихотворение занимает определенное место в цикле, его смысл в чем-то вытекает из сравнения с другими произведениями цикла.

Сейчас почти все сходится в том, что по крайней мере три стихотворения из упомянутых — «Подражание итальянскому», «Мирская власть», «Отцы-пустынники...» — образуют ядро цикла. Их роднит не только метрическая схема (ямбические гекзаметры, парные рифмы), но и философичность содержания, а также большое число религиозных терминов. В своем замечательном труде В. П. Старк показывает, что эти три стихотворения расположены в тематической и хронологической последовательности, связанной с определенными днями и событиями по православному календарю. Как пишет Старк, «стихотворения отражают последовательность событий и праздников на Страстной неделе: среда — молитва Ефраима Сирина („Отцы-пустынники...“); четверг — воздаяние Иуде за предательство, отмечаемое ночью в среду и ранним утром в четверг („Подражание итальянскому“); пятница — день смерти Христа, когда распятие, стоящее в храме с предыдущей ночи, заменяется плащаницей („Мирская власть“».⁸

Эти три стихотворения, согласно Старку, составляют «единое нерушимое целое и могут быть названы „внутренней литургией“».⁹ Стихотворение «Из Пиндемонта», хотя и разделяет с остальными тему мирской власти, все же мало связано с центральным ядром цикла. Анализ Старка не охватывает стихотворения «Когда за городом, задумчив, я брожу...» и «Памятник».

Петербургский пушкинист С. А. Фомичев утверждает, что между всеми этими стихотворениями существует тесная связь и что «Памятник» воспринимался бы совсем по-другому в изоляции от других стихов.¹⁰ Фомичев, однако, не поясняет, как

ле // Проблемы пушкиноведения: сборник научных трудов. Рига, 1983. С. 26—44; Вересаев В. Заметки о Пушкине // Новый мир. 1928. № 2. С. 189—204.

⁷ Тимофеев Л., Венгров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1955. С. 160.

⁸ Старк В. П. Стихотворение «Отцы-пустынники и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // Пушкин: исследования и материалы. Т. 10. Л., 1982. С. 203.

⁹ Там же. С. 202.

¹⁰ Фомичев С. А. О лирике Пушкина. С. 52.

содержание «Памятника» связано с «каменноостровским» циклом и с другими стихотворениями Пушкина 1836 года.

В данной работе я попытаюсь доказать следующую гипотезу: 1) «Памятник» Пушкина представляет собой неотъемлемую часть «каменноостровского» цикла; 2) значение ряда ключевых фраз и образов в «Памятнике» находится в непосредственной зависимости от других стихотворений цикла; 3) эти произведения в совокупности составляют цикл медитативных, или, скорее, религиозных стихов.

Пушкин действительно писал стихи на религиозные темы на всех этапах своего пути, по крайней мере, начиная с южной ссылки. Его тон в них порой почтительный, порой ироничный и саркастический и даже богохульный. Но в последние годы жизни интерес Пушкина к Библии и религиозной тематике становится более глубоким, последовательным и серьезным, о чем свидетельствует обширная мемуарная литература. Например, Адам Мицкевич в своей некрологической статье о жизни и творчестве Пушкина писал в «Глоб» 25 мая 1837 года: «Знавшие Пушкина в то время заметили значительную перемену в нем... Его речи, в которых пробивались ростки будущих произведений, стали более сдержанными и рассудительными. Ему нравилось направлять беседу на возвышенные и религиозные вопросы, о которых его соотечественники и не помышляли. Очевидно, в нем происходило внутреннее перерождение».¹¹

П. А. Вяземский, комментируя эту статью, возражал против некоторых утверждений Мицкевича — и в том числе относительно религии.¹² Но в своих мемуарах Вяземский вспоминает, как в конце 1836 года, когда они возвращались в карете с Каменного острова, Пушкин убеждал его более внимательно относиться к Библии. По словам Вяземского, «Пушкин постоянно указывал мне на плохое знание текстов Священного Писания и настоятельно советовал мне читать книги как Ветхого, так и Нового Завета».¹³

Тот факт, что Пушкина занимали тогда духовные проблемы, подчеркивается в воспоминаниях его близкого друга П. А. Плетнева, который писал об их встрече на Обуховом мосту за несколько дней до смерти поэта: «Пушкин в то время был настро-

¹¹ Цит. по: Пушкин в жизни: В 2 т. М., 1936. Т. 1. С. 442—443.

¹² Вяземский П. А. Mickiewicz о Пушкине // Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 277—279.

¹³ Цит. по: Пушкин в жизни. Т. 2. М., 1936. С. 297—298.

ен возвышенно-религиозно. Он говорил со мной о предопределенности судьбы и превыше всего ставил в человеке благоволение ко всем».¹⁴

Самый убедительный аргумент в пользу «благоволения ко всем» исходит от самого Пушкина. В 1936 году он поместил в «Современнике» объявление о готовящемся к печати русском переводе книги итальянского автора Сильвио Пеллико «*Dei doveri degli uomini*» («Об обязанностях человека по отношению к Богу»). Пеллико 10 лет провел в тюрьме за участие в восстании карбонариев 1820 года. После освобождения он написал книгу о своей жизни в неволе. Его итальянские и русские современники ожидали, что книга будет пронизана горечью, враждой и жаждой мести. Напротив, книга Сильвио Пеллико состоит из «изумительных размышлений, исполненных чистого спокойствия, любви и дружелюбия».¹⁵ Пушкин разошелся во мнениях с критиком С. П. Шевыревым, который в статье, напечатанной в «Московском наблюдателе», подверг сомнению искренность Пеллико. «Книга „*Dei doveri*”, — пишет Пушкин, — устыдила нас и открыла нам тайну прекрасной души, тайну христианина» (XII, 100). Несмотря на утверждение Вяземского, что Пушкин не разделял духовное мировоззрение Пеллико, есть все основания доверять искренности слов Пушкина. Он говорит прямо. Он приводит пример Пеллико как образец просвещенного литератора, когда-то настроенного воинствующе революционно, а потом раскаявшегося и всепрощающего. Для Пушкина «Пеллико принадлежит избранныкам, которых ангел Божий приветствовал как „людей благой воли”» (XII, 99). Пушкин опровергает обвинение «*Dei doveri*» во вторичности, говоря, что книга Пеллико, «исполненная искренней теплоты, неизъяснимого очарования и гармонического красноречия», напоминает ему «божественное Евангелие» (XII, 100). В той же статье Пушкин наиболее ясным образом выражает свое отношение к описаниям жизни и учения Христа в Новом Завете. Он пишет: «Каждое слово этой книги толковали, объясняли и проповедовали во всех концах земли во всевозможных обстоятельствах и событиях; любое выражение из этой книги все

¹⁴ Плетнев П. А. Из переписки с Я. К. Гротом (П. А. Плетнев — Я. К. Гроту) // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 256.

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1937—1959. Т. XII. С. 99. — Далее при ссылках на это издание в тексте указываются том и страница.

знают наизусть и повторяют как пословицу, и даже для нас в ней нет ничего неизвестного. Эта книга зовется Евангелие, и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром, удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие» (XII, 99).

На фоне этих свидетельств и следует рассматривать медитативную лирику Пушкина, созданную на Каменном острове летом 1836 года. Как предположил Фомичев, в этом обзоре произведений Пеллико в «Современнике» «содержится ключ к пониманию последнего лирического цикла Пушкина».¹⁶

Стихотворение, значащееся у Пушкина под римской цифрой II, начинается словами «Отцы-пустынники и жены непорочно...». Оно было создано 22 июля 1836 года. Совпадающая частично с пушкинскими заметками «Молитва», стихотворение посвящено молитве и само является ею. Композиционно оно делится на три части. В первом четверостишии звучит общая тема, напоминающая, что молитвы сочинялись мужчинами и женщинами, отцами и сестрами церкви. Монахи и монахини творили поэтические произведения, чтобы возвыситься духом как над внешними обстоятельствами (войнами, бурями), так и над внутренними (очевидно, сомнением, неуверенностью, нестойкостью). Их свершения были прекрасны: они «сложили множество божественных молитв» (III, 263). Тема развивается в следующих пяти строках, содержащих любимую молитву поэта. Это великопостная молитва святого Ефраима Сирина. Поэт часто вспоминает ее, она особенно его волнует: «Но ни одна из них меня не умиляет, / Как та...»; она укрепляет павших духом своей таинственной силой: «И падшего крепит неведомою силой...» (XII, 263). Последние строки «Отцов-пустынников...» представляют собой стихотворное переложение самой молитвы святого Ефраима. В православной церкви эту молитву повторяют в канонические часы в среду и пятницу на Масленицу, а также каждый день (кроме субботы и воскресенья) во время Великого поста, вплоть до среды Страстной недели. Молящийся обращается к Господу — Владыке нашей жизни с просьбой избавить его от любоначалия, осуждения других, мрачности, уныния, лени, празднословия и ниспослать ему смирение, терпение, целомудрие и любовь. Пушкинское пере-

¹⁶ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: творческая эволюция. Л., 1986. С. 273.

ложение по большей части верно передает смысл подлинника и сохраняет названия грехов и добродетелей, совпадающие в церковнославянском и литературном русском языке того времени (например, *прегрешение*, *празднословие*). Там, где есть несовпадение с церковнославянским, он подставляет более современное слово (*смирение* вместо *смиреномудрие*, *дней моих* вместо *живота моего*, *дай* вместо *даруй*); модернизирует имен-ные окончания (*любви* вместо *любве*), формы местоимений (*мне* вместо *ми*) и глагольные формы (*зреть* вместо *зрети*, *дай* вместо *даждь*); вводит такие фигуры речи, как *душа* и *сердце*. Представление о грехе любоначалия усилено добавлением метафоры *змеи сокрытой сей*. Эта фигура речи предвосхищает особое выделение темы власти как во временном (земном), так и в вечном (духовном) отношении во всем поэтическом цикле. Как будет показано ниже, два наиболее важных компонента стихотворения — слова *божественное* и *умиляет*.

Стихотворение под номером III, созданное 22 июня 1836 года, начинается словами «Как с древа сорвался предатель-ученик...» (XII, 260). Оно восходит к версии самоубийства Иуды через повешенье в Евангелии от Матфея и к новозаветным апокрифам, повествующим о его позорном низвержении в ад, где он получил по заслугам. Пушкинская разработка темы основана на свободном переложении на русский французского перевода итальянского сонета «*Sopra Guida*» Франческо Джианни (1760—1822). Отсюда подзаголовок «Подражание итальянскому». Главная тема стихотворения — предательство. Слово *предатель* появляется в ключевых позициях: в первой строке («предатель-ученик») и в последней («в предательскую ночь»). Некоторые ученые считают, что это аллегория и что в действительности Пушкин говорит здесь о собственном предательстве ряда друзей — мотив, возникавший и в других его вещах. Но какой бы личный смысл здесь ни вкладывался, стихотворение прежде всего посвящено предательству Христа Иудой и особенно его последствиям — самоубийству Иуды и осуждению его на вечные мучения. Христос представлен в стихотворении как жертва предателя-ученика, поцеловавшего его. Напомним, что в статье о книгах Пеллико Пушкин называл Христа «Небесным учителем». Называя Сатану «проклятый владыка», Пушкин подчеркивает, что и в аду есть господин, в противоположность небесному отцу, к которому поэт обращается в «Отцах-пустынниках...»: «Владыко дней моих».

Стихотворение под номером IV, написанное 5 июня 1836 года, озаглавлено «Мирская власть». Первые десять строк описывают сцену распятия, когда «по сторонам животворяща древа» (III, 259) стояли Мария Магдалина и Пресвятая Дева, погруженные в безраздельную скорбь. Теперь же, к изумлению поэта, на месте этих женщин у креста оказываются два вооруженных часовых. В последних двенадцати строках поэт обращает к безымянным властям серию резких, саркастических риторических вопросов, спрашивая, зачем там, где свершилось искупление «рода Адамова», стоит вооруженная стража. Подчеркивая абсурд и неуместность этого, Пушкин имеет в виду, что мирские власти совершенно не поняли значения распятия Христа как «великого торжества» Спасителя.

Стихотворение под номером VI, созданное 6 июля 1836 года, названо «Из Пиндемонти» (III, 262), чтобы скрыть основное содержание. Оно построено на противопоставлении двух видов прав и двух видов свободы. Первый вид, который Пушкин не отвергает, но «не дорого ценит», — это «громкие права»: «оспаривать налоги», «мешать царям друг с другом воевать», «свобода» участвовать в журнальной полемике с дураками и тупицами. «Все это, видите ль, слова, слова, слова», — говорит Пушкин (цитируя Гамлета). Он предпочитает иные права и свободу: «Иные, лучшие, мне дороги права: / Иная, лучшая, потребна мне свобода...». То есть,

... никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья —
Вот счастье! вот права! (III, 262)

Некоторые исследователи высказали мнение, что это стихотворение вряд ли входит в исследуемый нами цикл, так как в нем якобы меньшее число религиозных оборотов и образов, более светская тема, тесно связанная с реальными биографическими обстоятельствами Пушкина в то время. Тем не менее «Из Пиндемонти» и лексически, и тематически пересекается с другими стихотворениями. «Царь» и «цари» в этом стихотворении явно обозначают мирскую власть земных монархов в противоположность «царю царей» с стихотворении «Мирская власть». Особенно последние пять строк, говорящие о восхищении природой и искусством («Дивясь божественным природы красотам

/ И пред созданными искусства и вдохновенья / Трепеща...»), связывают «Из Пиндемонти» не только с нумерованными стихотворениями цикла, но и с «Памятником», о чем еще будет идти речь.

Стихотворение, начинающееся словами «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (III, 264), написанное 11 августа 1836 года, хотя и не имеет номера, но, по всей видимости, принадлежит к этому циклу. За исключением последней усеченной строки (типичный прием в философской лирике), оно написано тем же ямбическим гекзаметром с парными рифмами, что и «Отцы-пустынники...», «Подражание итальянскому», «Мирская власть» и «Из Пиндемонти» (в этом стихотворении также усеченная последняя строка). И, что более важно, оно тематически связано со стихотворениями цикла. Противопоставление двух кладбищ: городского — помпезного, в дурном вкусе, с претенциозными надгробными памятниками и мавзолеями, и другого, деревенского, в его скромном достоинстве и «торжественном покое», с «неукрашенными могилами» — точно соответствует контрасту между преходящей светской и вечной духовной славой, составляющему тематическую основу всего цикла. И дуб, стоящий над деревенскими могилами, напоминает «животворящее древо» из «Мирской власти» как символ возможного Воскресения из мертвых.

Стихотворения, созданные Пушкиным на Каменном острове в 1836 году, связаны друг с другом и, соответственно, с «Памятником» (III, 265) через сложную сеть слов-сигналов и ассоциаций. Эти элементы, выстроенные вертикально — согласно иерархии, и горизонтально — в исторической последовательности, образуют пересечение-крест, проясняющее основное содержание каждого отдельного стихотворения и космологию (или, скорее, теологию) цикла в целом. Наверху этого креста — Бог-творец, которому поэт молится в одном из стихотворений («О Боже»), воплощенная ипостась которого, «божество», умирает в «Мирской власти», во славу кого смиренные монахи «сложили множество божественных молитв» и чьи творения («красоты божественной природы») окружают поэта, умиляя и вдохновляя его. В данном контексте слово «божественное» имеет значение не просто «прекрасное, чарующее», но и, по крайней мере как коннотацию, «святое, божеское», т. е. происходящее от Божества. На самом кресте висит распятый Христос, имя которого дважды упоминается в цикле в винительном падеже: в конце одного стихотворения — «В предательскую ночь лобзав-

шие Христа» и в начале строки другого — «Христа, предавшего послушно плоть свою». Определение «послушно» как такое сохраняет свое значение в первой строке пятой строфы «Памятника»: «Веленью Божию, о Муза, будь послушна» и предлагает соотношение между покорностью Христа в смертный час и пушкинским призывом к себе и поэтам подчиниться своему призванию (в раннем наброске было написано «призванию своему») или, как это дано в окончательном варианте, «веленью Божию». Еще в этом цикле Христос именуется следующим образом: «Владыко дней моих», «Царь царей», «Тот, чья казнь весь род Адамов искупила». Последняя строка отсылает в исторической последовательности к Книге Бытия, истории создания и грехопадения человека, далее — к «отцам-пустынникам и женам непорочным» и, наконец, к современникам поэта. Выделение Христа во всех произведениях Пушкина, созданных летом 1836 года, побудило одного советского исследователя подчеркнуть «евангелическую тональность» и «культ Христа» в этом цикле.¹⁷

Есть, однако, и обратная, темная сторона этой космической драмы. За сценой распятия, центром которой является «животворящее древо», стоит другое древо — виселица, на которой покончил с собой Иуда. Это древо покойников принадлежит злобно ухмыляющемуся Сатане, «проклятому владыке», которому служат «дьявол», «бесы» и Иуда, «всемирный враг». Здесь, в пасти геенны огненной, труп Иуды оживает («дьявол <...> дхнул жизнь в него»), что пародировывает воскрешающую силу «креста честного».

По отношению к двум главным персонажам цикла, Христу и Иуде, употребляется пара глаголов с противоположными значениями: «предаться / предать». Иуда как «предатель-ученик» противопоставлен «небесному учителю» из пушкинской статьи о Пеллико. Судьба Иуды решилась «в предательскую ночь». Напротив, Христос идет на распятие в высшем порыве «преданности» и как жертва: «Христа, предавшего послушно плоть свою». Предательские уста Иуды, прожженные поцелуем Сатаны, противопоставлены устам священника и поэта, повторяющим великопостную молитву: «Всех чаще мне она приходит на уста». Воздействие этой молитвы описано словом «умиляет», практически непереводаемым на другие языки (*умилять* 'духовно трогать'). Молитва святого Ефраима Сирина именно так волнует поэта: «Но ни одна из них меня не умиляет, / Как

¹⁷ Фомичев С. А. Указ. соч. С. 274.

та, которую священник повторяет / Во дни печальные Велико-
го поста». Слово «печальные» звучит как эхо «печали» двух
Марий из стихотворения «Мирская власть»: «В неизмеримую
печаль погружены». Эта священная печаль противопоставлена
нечистому веселью Сатаны и его прислужников, когда Иуда
попадает «в гортань геенны огненной». «Там бесы, радуясь, и
плеща, на рога / Прияли с хохотом всемирного врага / И шум-
но понесли к проклятому владыке / И Сатана, привстав, с ве-
селием на лице...». Крестная скорбь смягчается грядущим вос-
кресением, великопостная печаль — утешительными словами
молитвы и последующим празднованием этого главного собы-
тия в христианской драме. Если поэт был воспитан на таких
молитвах и евангельских легендах (точнее, не легендах, а пре-
даниях, т. е. историях, передаваемых из поколения в поколе-
ние), то слушание, повторение, осмысление, чтение их в форме
«умилительных размышлений» в таких книгах, как книга
Сильвио Пеллико, принесет ему утешение. Однако наиболее
полно поэт испытывает порывы «умиления», когда созерцает
«божественные природы красоты» (т. е. творения Божьи) и
«созданья искусств и вдохновенья».

Согласно предположению Н. Измайлова, пушкинский «Па-
мятник» не только принадлежит «каменноостровскому» циклу,
но и, возможно, значился под номером I. Исследователь под-
крепляет свою мысль, указывая на особенности размера (схо-
жие, но не тождественные другим стихотворениям цикла), на
место и время написания, философский характер и тематиче-
скую близость к «Из Пиндемонти» и другим вещам цикла. Из-
майлов также считает, что библейские и церковные мотивы
для Пушкина не просто художественный вымысел или поэти-
ческий материал, а «определенные нравственные императивы
и истины, соответствующие его этическим взглядам».¹⁸ Однако
он не распространяет свои выводы на исследование стиля «Па-
мятника». Г. П. Макогоненко в своем исследовании развивает
эту гипотезу. По его словам, «цикл должен был открываться
программным стихотворением о роли поэта и его положении в
обществе. Таким стихотворением был „Памятник“, который в
конечном счете определял идейную доминанту всего цикла,
его внутреннюю тему и сложность».¹⁹

¹⁸ Измайлов Н. В. Лирические циклы... С. 37, 39.

¹⁹ Макогоненко Г. П. Капитанская дочка и последний поэтический
цикл. С. 427.

Тем не менее исследователь отрицает, что значение поэтической формулы «веленью Божию» и многочисленных библейских образов и мотивов в тексте цикла можно определить словом «религиозное». Согласно Макогоненко, они относятся к типичным пушкинским символам и «вечным источникам поэзии».²⁰

Наше исследование фразеологических переключек во всех «каменноостровских» стихотворениях призвано утвердить, что пушкинский «Памятник» явно принадлежит к этому циклу, что значение отдельных его выражений и строк проясняется и обогащается в соотнесении с другими стихотворениями и что через весь цикл отчетливо проходит религиозная трактовка источника вдохновения поэта (его «призвания») и всеобщего значения его творческого наследия. Это становится особенно убедительным при анализе стихотворений в свете пушкинской статьи в «Современнике» о книге Сильвио Пеллико.

«Памятник» лексически и тематически переключается с проанализированными нами стихотворениями прежде всего двумя последними строфами. «Оспоривать глупца» («Памятник») так же бессмысленно, как и «оспаривать налоги» («Из Пиндемонти»). Поэт призывает Музу быть покорной воле Господа («Веленью Божию, о Муза, будь послушна») так же, как Христос покорно пожертвовал собой («Христа, предавшего послушно плоть свою» — «Мирская власть»). «Чувства добрые», которые поэт «лирой пробуждал», означают не призыв к классовой борьбе или к восстанию, а «ясное спокойствие, любовь и доброжелательство», которые Пушкин ощутил в произведениях Пеллико, и «благоволение ко всем», свойственное, по воспоминаниям Плетнева, самому Пушкину в последние годы его жизни. Свобода, о которой говорит Пушкин («в мой жестокий век восславил я свободу»), подразумевает не политическую свободу, добываемую в жестокой борьбе, а скорее свободу совести, мысли и творческого самовыражения. И, наконец, «милость к падшим» — это не только призыв к справедливости по отношению к сосланным декабристам, друзьям Пушкина, и просьба об амнистии героям Отечества, несправедливо пострадавшим от репрессивного режима, но и призыв к милосердию, прощению всех грешников, в том числе «падших» во имя несбыточной цели вооруженного восстания. В раннем черновике

²⁰ Там же. С. 448.

этой строчки вместо слова «милость» стояло «милосердие» («Я милосердие воспел»).

В словаре В. И. Даля «милосердие» толкуется как «умиление на деле».²¹ Этимологически пушкинская «милость» в этой строке «Памятника» тесно связана с умилением поэта при повторении великопостной молитвы святого Ефраима Сирина («Отцы-пустынники...») и созерцании красот «божественной природы» и «созданий искусств» («Из Пиндемонти»).

В контексте медитативной лирики «каменноостровского» цикла пушкинский «Памятник» не является подражанием одам Горация и Державина. Это уже не просто перечисление поэтических заслуг и предсказание литературного бессмертия. «Памятник» занимает место рядом с произведениями Пеллико, которые для Пушкина являются «умилительными размышлениями, исполненными ясного спокойствия, любви и доброжелательства».

«Памятник» соотносим и с Евангелием. Об этой книге Пушкин писал (не побоимся повторения): «...И такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром, удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие» (XII, 99). В таком контексте пушкинский «Памятник» становится не только прекрасным стихотворением, но и образцом подлинно «божественного красноречия».

Проблемы, поставленные в цикле «каменноостровских» стихотворений 1836 года, наиболее убедительно проанализированы в великолепном предисловии В. Вацура к двухтомному изданию мемуаров «Пушкин в воспоминаниях современников» (1974). Отмечая, что в середине 1830-х годов внимание Пушкина все более и более привлекали семья, любовь, религия и смерть, Вацура называет четыре пронумерованных стихотворения «необычайно выразительным циклом, глубоко личный характер которого не противостоит его общественному звучанию. Неприятие „мирской власти” — главный лейтмотив цикла. Пушкин обращается к евангелической символике, чтобы противопоставить общечеловеческие этические идеалы и моральные нормы общества, которым он бросил вызов. Он осуждает и отвергает эти нормы».²²

²¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 327.

²² Вацура В. Э. Пушкин в сознании современников // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 27—28.

К этим замечаниям необходимо добавить, что общечеловеческий этический идеал Пушкина был явно христианским, включающим представление о Мессии, поруганном и распятом, торжествующем после смерти: «Когда великое свершалось торжество...» («Мирская власть»); «Нет, весь я не умру...» («Памятник»). Из-за этического идеала Пушкин вступал в конфликт с царями и правителями любого рода и с моральными нормами любого общества: «Зависеть от царя, зависеть от народа — / Не все ли нам равно? Бог с ними...». Говоря о растущем интересе Пушкина к религии в 1836 году — включая как его частные разговоры на библейские темы, так и стихотворный «каменноостровский» цикл — Вацуро делает вывод, что «этот факт был верно замечен, но его значение остается загадкой».²³ Я считаю, что ключом к этой загадке может служить рассмотрение «Памятника» как неотъемлемой части стихотворного цикла и анализ этой медитативной лирики в свете мемуарной литературы и пушкинской статьи о книге Сильвио Пеллико.

²³ Там же. С. 28.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОНЦЕПЦИЯ И СМЫСЛ

**Сборник статей в честь 60-летия
профессора В. М. Марковича**

*Под редакцией
А. В. Муратова и П. Е. Бухаркина*

Издательство Санкт-Петербургского университета
Санкт-Петербург
1996